

УЗБЕКСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

М.Н. Моховикова

Рахимов М.А. и др. Стратификационные процессы общества Узбекистана в контексте исторических процессов / М.А. Рахимов, Н.Р. Махкамова, Ш.М. Рахматуллаев, Р.Р. Назаров, М.Д. Тен, Г.Ж. Ганиева, В.С. Хан, С.А. Пулатова, З. Абдуганиева, Ш. Мерль, Т.С. Карабчук. Ташкент: Navro'z, 2014 г.

Монография «Стратификационные процессы общества Узбекистана в контексте исторических процессов», опубликованная сотрудниками Института истории Академии наук Узбекистана, посвящена анализу социально-экономических и политических процессов, протекающих в современном Узбекистане. Для многонационального государства, численность населения которого за годы независимости увеличилась в полтора раза, вопросы оптимизации социальной политики приобрели важнейшее значение.

Монография написана по результатам исследования, которое проводилось под руководством д.и.н. М.А. Рахимова сотрудниками отдела «Современной истории и международных исследований» Института истории Академии наук. В авторский коллектив вошли такие узбекские учёные, как д.и.н. М.А. Рахимов, д.и.н. Н.Р. Махкамова, к.и.н. Ш.М. Рахматуллаев, к.ф.н. Р.Р. Назаров, к.и.н. М.Д. Тен, к.и.н. Г.Ж. Ганиева, к.ф.н. В.С. Хан, к.и.н. С.А. Пулатова, З. Абдуганиева, а также профессор Штефан Мерль из университета Билефельда (Германия) и доцент Высшей школы экономики (Россия) Т.С. Карабчук.

Данная работа представляет собой одну из первых попыток рассмотреть социальную стратификацию Узбекистана в историческом контексте. Ценность работы заключается в том, что изменения в обществе рассмотрены через этнические, культурные и гендерные аспекты с конкретными примерами, с использованием данных социологических опросов и интервью.

Книга состоит из введения, двух разделов и заключения. Первый раздел «Исторические параллели и теоретические аспекты» включает пять глав: «Основные этапы советской эконо-

мики», «Социальная стратификация общества Узбекистана первой половины XX века», «Зарботки непостоянно занятых, социальное неравенство и стратификация», «Исследования международных организаций по различным аспектам социальной стратификации», «Этнические и территориальные аспекты социальной стратификации».

Второй раздел «Трансформация социальной структуры общества Узбекистана в условиях глобализации» содержит главы: «Процессы демократизации в Узбекистане и фактор элитарности», «Экономическая стратификация общества и специфика формирования среднего класса в Узбекистане», «Роль интеллигенции в развитии узбекского общества», «Гендерная стратификация в системе образования Республики Узбекистан», «Трансформация профессиональной стратификации этнической группы в историческом процессе (на примере корейцев Узбекистана)», «Диапоры в этнической стратификации современного Узбекистана: case study (на материалах города Ташкента)».

В первом разделе монографии вопросы вызывает первая глава, написанная немецким специалистом по советской экономике Штефаном Мерлем. Излагая в дискуссионном ключе основные этапы развития экономики СССР, автор упустил основной объект исследования всей монографии – общества Узбекистана. Читателю как бы предлагается самому спроецировать общую историю советской экономики на ситуацию в отдельной республике.

Вторая глава раздела раскрывает особенности социальной стратификации Узбекистана первой половины XX в. Н.Р. Махкамова пишет о том, что «агрессивные акции Российской им-

Моховикова Мария Николаевна – пресс-секретарь Фонда «Русский мир», соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

перии и создание из завоеванных у среднеазиатских ханств территорий Туркестанского генерал-губернаторства внесли серьёзные изменения в политический статус, экономическое положение и социальные отношения его коренного населения» [с. 64]. В главе представлен характерный для современных узбекских исследователей взгляд, согласно которому «завоевание принесло населению региона полную потерю независимости, превратило богатейший край в колонию и обрекло его на положение монокультурного сырьевого придатка метрополии». Автор утверждает, что «в социальной структуре общества Туркестанского генерал-губернаторства начала формироваться новая социальная страта – местная торгово-промышленная буржуазия, которая внесла «весомый вклад в развитие производительных сил края, вела активную просветительскую и благотворительную деятельность, являлась значительной позитивной силой в социальной жизни местного общества» [с. 66].

Отмечается, что в конце XIX – начале XX вв. «развитие производительных сил, товарно-денежных отношений, разрушение хозяйственной замкнутости, утрата сословного деления и связанных с ним привилегий создали в Туркестанском крае благоприятные условия для успешной деятельности самостоятельно хозяйствующих субъектов, каковыми являлись владельцы различной по форме и размерам собственности. Они составляли специфический слой общества – слой собственников, в который входили самые различные по видам занятий социальные страты, издревле являющиеся основой экономики общества с рыночными отношениями» [с. 67].

При этом указывается, что «процесс утраты определяющего значения сословного деления и формирования слоя собственников происходил в узбекском обществе на рубеже XX в. без конфликтов и потрясений» [с. 68]. Стоит выделить замечание автора: «...традиционное общинное объединение населения по месту их жительства в махалли породило стройную этическую систему круговой поруки, основанную на демократических устоях, создало законы коллективизма и кооперирования, несмотря на наличие неравного имущественного положения его членов» [с. 70].

В главе Махкамовой последовательно разбираются предпосылки социальных изменений, приводится большое количество статистических данных по составу населения, удельному весу групп в составе городского, сельского населения, подробно проанализированы изменения, происходившие в стратах начиная с октябрьских событий 1917 г. и вплоть начала 50-х гг. XX в. Используются материалы всесоюзных переписей, статистические ежегодники, работы исследователей как начала века, так и более поздних периодов. Дана авторская оценка изменений в обществе, подкреплённая цифрами: рост рабочего класса, в том числе промышленных рабочих

из числа коренных национальностей, деление внутри самой рабочей страты, формирование советской интеллигенции (служащих, «рабоче-дехканской» интеллигенции), особенности социального конструирования первых десятилетий советской власти и пр. Автор даёт положительную оценку формированию национальной интеллигенции. В выводах отмечается, что «новое общество, декларированное как «общество победившего социализма», по своей сути не отвечало заявлениям пропагандистского партийного аппарата. Оно не было ни социально единым, ни поголовно грамотным... ни поголовно атеизировано; ни социально однородно... Главенствующая роль в нём принадлежала к этому времени (к 1939 г.) уже не рабочему классу, а новому советскому правящему классу – бюрократической партийной номенклатуре» [с. 87].

Следующие главы, на которые следует обратить внимание, помещены во втором разделе. В главе «Процессы демократизации в Узбекистане и фактор элитарности» рассматривается роль элиты в процессе формирования новой структуры власти. В монографии отмечено, что в современном Узбекистане «этот вопрос относится к числу практически неизученных тем» [с. 164]. В частности, отмечается патерналистская природа азиатской политической культуры, сказано о необходимости «сильной авторитарной власти, способной эволюционировать в сторону реальной демократии» [с. 165], в общих чертах описано формирование ветвей власти, упоминается об «элитообразующем институте» политических партий. Затронут вопрос формирования элит, описаны каналы рекрутирования, причём старательно избегается вопрос о клановости (такой термин в статье не использован). Признаётся, что одним из ключевых вопросов была и остаётся проблема местничества и его влияния на политические процессы. Гражданские институты рассматриваются как важный элемент поляризации общества. Теоретическое обоснование процессу становления гражданского общества в странах Центральной Азии узбекские учёные находят в гегелевской максиме, согласно которой сначала появляется государство, а развитие гражданского общества происходит позднее. При описании деятельности институтов гражданского общества узбекские учёные признают, что «деятельность махаллей, как и политических партий, в Узбекистане финансируется в основном государством» [с. 172]. В перспективе прогнозируется уменьшение государственной поддержки и увеличение самофинансирования. Отмечая важную роль негосударственных некоммерческих организаций в развитии социума, автор главы говорит и о наличии проблем, таких как профессионализм сотрудников, «определение чётких целей и задач организации, отношение между ННО и государственными учреждениями» [с. 173]. Главный вывод заключается в признании актуальности целей «либерализации страны, создании необходимых предпосылок

■ Рецензии

эффективного партнёрства между государством, обществом и институтами гражданского общества. Для эффективного политического руководства страной чрезвычайно важно качество элиты, совершенствование системы отбора лидеров и повышение активности различных общественных групп» [с. 173].

В главе «Экономическая стратификация общества и специфика формирования среднего класса в Узбекистане» Ш.М. Рахматуллаев выделяет следующие критерии принадлежности к среднему классу: уровень дохода и оплаты труда, среднедушевой совокупный доход, обеспеченность предметами длительного пользования, наличие недвижимости, субъективная оценка социального статуса. Особенности формирования среднего класса выявляются на основе статистических данных и результатов социологических исследований. Так, например, автор указывает, что «каждый шестой предприниматель ... был трудовым мигрантом и после возвращения в Узбекистан открыл своё дело» [с. 196]. Рахматуллаев подробно останавливается на стартовых условиях формирования среднего класса в постсоветский период, рассматривает выбранную страту на современном этапе, касается вопросов адаптации и самоидентификации среднего класса. Он приходит к выводу, что непростые условия транзитного периода положительно отразились на социально-экономической мобильности узбекистанцев, с одной стороны, снижая у них иждивенческие настроения, а с другой – способствуя росту экономической активности и самостоятельности» [с. 197].

Глава, написанная к.и.н. С.А. Пулатовой, посвящена роли интеллигенции в развитии узбекского общества. Автор отмечает, что «в традиционном употреблении русское понятие «интеллигент» и широко используемое в узбекском языке «зиёли» очень созвучны, ... подразумеваемая людей, сочетающих в себе глубокий ум и высокую нравственную культуру» [с. 198]. Автор приходит к выводу, что запущенные трансформационные процессы негативно отразились на положении интеллигенции: начался процесс её «размывания», многие специалисты покинули республику. Для современного состояния, по мнению С.А. Пулатовой, характерна тенденция к сокращению отраслевых научных организаций, связанных с производством, а также сокращение количества исследователей. Положительным явлением, по мнению автора, можно считать повышение активности интеллигенции в политической жизни страны.

Для более широкого круга исследователей интерес представляет заключительная глава книги о месте диаспор и этнической стратификации современного Узбекистана, написанная к.ф.н. В.С. Хан по материалам города Ташкента. Основу главы составляют результаты исследования, проведённого в 2012 г. коллективом

учёных отдела этнологии Института истории по вопросу интеграции диаспор в Узбекистане. В качестве целевых групп были отобраны уйгуры, русские и корейцы, проведён анкетный опрос (по 100 респондентов каждой из целевых групп) и интервью (по 5 представителей каждой группы). В дополнение использованы исследования корейской диаспоры совместно с газетой «Корёсинмун» (проводились в 2010 г. с участием 1000 чел.); «Этнокультурные процессы в современном полиэтничном городе» (2003– 2005 гг., 300 чел.); «Традиции и инновации в обрядовой культуре национальных диаспор современного Узбекистана» (2009– 2011 гг., 350 чел.). По наблюдению автора, «после обретения независимости в республике начинается процесс национального строительства, сопряжённый с правом на самоопределение титульной нации, и на практике с её приоритетным развитием. Это задало и особенности иерархии этнической стратификации. Введение государственного языка, сокращение удельного веса этнических меньшинств, сужение русскоязычного пространства, укоренение в системе управления и сокращение возможностей для социальной мобильности сформировали политические, социально-экономические и духовно-идеологические реалии, которые поставили перед этническими меньшинствами проблему выбора: а) пассивной адаптации; б) активной интеграции в новое социальное пространство; в) миграции за пределы страны» [с. 246– 247].

К факторам, способствовавшим адаптации этнических групп, отнесены общая историческая судьба, урбанизация, «иноэтничное окружение», полилингвизм и наличие языка межнационального общения.

На сегодняшний день, по мнению В.С. Хана, «необходима выработка новой национальной политики, которая позволит снять ощущение дискомфорта по этническому признаку, миграционные настроения и достичь более высокого уровня интегрированности всех этнических групп. На повестку дня может встать вопрос о том, останется ли Узбекистан многонациональным государством или в перспективе превратится в гомогенное?» [с. 270].

Авторы коллективной монографии поставили и перед собой и перед читателями массу вопросов. На многие из них книга даёт ответы, другие вопросы требуют дальнейших исследований и проработок. Статьи, собранные в монографии, различаются по стилям, насыщенности и широте анализируемой темы. Бесспорно, на фоне немногочисленности подобных публикаций книга крайне актуальна, и многие главы представляют интерес для российских регионоведов, а также для специалистов по переходным обществам.

*М.Н. Mokhovichova.
Uzbek Society: a View from Inside.*